

УДК 94(47).083+929Корнилов

САРАТОВСКИЙ «ДНЕВНИК» ИСТОРИКА А. А. КОРНИЛОВА: ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ю. В. Варфоломеев

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ybartho@mail.ru

Данная статья продолжает биографическую зарисовку саратовского периода жизни и деятельности выдающегося ученого и видного представителя земско-либерального движения России Александра Александровича Корнилова. Во второй части «Саратовского дневника» автор исследует драматические перипетии в судьбе Корнилова, связанные с его арестом. Наряду с этим анализируются его общественно-политическая деятельность и научно-публицистические работы по проблемам земского движения. **Ключевые слова:** А. А. Корнилов, историк, публицист, земское представительство.

Saratov «Diary» of the Historian A. A. Kornilov: Part Two

Yu. V. Varfolomeev

Yuriy V. Varfolomeev, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ybartho@mail.ru

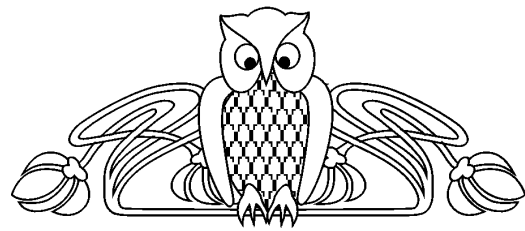
This article continues the biographical sketch of the Saratov period of life and activities of an outstanding scholar and a prominent figure in the Zemstvo liberal movement in Russia Alexander Alexandrovich Kornilov. In the second part of the «Saratov diary» the author examines the dramatic twists and turns Kornilov's fate associated with his arrest. Along with this, his social and political activities, scientific and publicistic papers on the problems of the Zemskoe movement are analyzed.

Key words: A. A. Kornilov, historian, publicist, Zemstvo representation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-540-546>

Окончание. Начало см.: Варфоломеев Ю. В. Саратовский «дневник» историка А. А. Корнилова: часть первая // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 520–529. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-4-520-529>

По возвращении А. А. Корнилова от Арцимовичей из Люцина в Саратов в конце августа 1902 г. в его жизни произошла драматичная и неприятная метаморфоза. Спустя несколько месяцев на Александра Александровича, воодушевленного творческим успехом от блестяще подготовленной рукописи об В. А. Арцимовиче, «холодным душем» обрушились серьезные невзгоды. «В конце осени я неожиданно был подвергнут обыску в своей квартире»¹, – вспоминал Корнилов о непрошенном визите жандармов в ночь на 1 ноября 1902 г. Очевидно, он попал под

пристальное наблюдение полиции сразу после посещения его квартиры политически неблагонадежными товарищами – супругами Натансон и четой Старынкевичей.

При обыске жандармы нашли на письменном столе ученого три номера журнала «Освобождение», которые, очевидно, передал Корнилову его старый знакомый Д. И. Шаховской вместе с поклонами и просьбой о сотрудничестве от редактора этого издания П. Б. Струве². Сам Александр Александрович не придавал значения этому, как ему казалось, ничтожному обстоятельству, но «жандармский офицер с большим рвением за это уцепился»³, – с изумлением для себя заметил он. Уже под утро жандарм пригласил Корнилова в квартиру Федоровых, которые жили по соседству с опальным ученым и тоже были подвергнуты обыску. Между тем Александр Александрович, ничего не подозревая, спокойно чаёвничал, когда вдруг жандарм явился о том, что его должны доставить в тюрьму. На изумленный вопрос ученого о том, какова причина его ареста, жандарм воскликнул: «Как, а три номера “Освобождения”?»⁴.

Кроме трех экземпляров журнала жандармы изъяли при обыске: проект программы Российской социал-демократической партии, революционные песни и стихи, «Былое и думы» А. И. Герцена, «Так что же нам делать?» Л. Н. Толстого, три фотографии, запечатлевшие избивание студентов казаками, а также всю имевшуюся у Корнилова переписку с родными и знакомыми. Эти материалы, а также многочисленные сведения агентурного характера, полученные полицией в ходе негласного наблюдения за политически неблагонадежным ученым, послужили основанием для привлечения его к дознанию «О социал-революционном кружке в Саратове». Всего по этому делу к следствию было привлечено 18 человек, в том числе и будущий глава советского правительства А. И. Рыков, а также его сестра Фаина⁵.

Находясь в крайне возбужденном состоянии, сразу после заключения в тюрьму Корнилов написал два заявления, как он сам отметил, «в очень повышенном тоне»⁶. Одно из заявлений было адресовано саратовскому губернатору А. П. Энгельгардту, а второе – прокурору Судебной палаты А. А. Макарову, впоследствии министру внутренних дел. В заявлении на имя губернатора он, в частности, пояснил характер своих оппозиционных настроений и аргументировал свою невиновность: «Если я имею образ мыслей, несогласный

с нынешним правительством, если я даже позволяю себе иногда читать брошюры не революционного, а лишь оппозиционного содержания, но не принимаю никакого участия ни в какой противозаконной политической деятельности» (подчеркнуто А. А. Корниловым), то ведь едва ли можно признать справедливым заключение меня за одно только это в тюрьму без следствия и суда»⁷.

Наряду с этим, в своем заявлении он попросил Энгельгардта, также подчеркнув это на письме, о разрешении жене – Наталье Антиповне – видеться с ним или, по крайней мере, передавать ему необходимые вещи и предметы. Особенно ученый сетовал на то, что в числе изъятых у него при обыске бумаг находились рукописи начатых им литературных работ, до возвращения которых он будет лишён заработка, необходимого для содержания его семьи⁸.

Действительно, Корнилов стремился не прерывать научные и литературные занятия даже в тюрьме, и после того как его просьба была удовлетворена, жена передала ему труд А. И. Скребицкого «Крестьянское дело в царствование императора Александра II», исследования по отмене крепостного права, материалы по земской реформе и другие публикации, касающиеся эпохи Великих реформ. Как видим, тематика перечисленных материалов, с которыми работал историк, а также рвение и основательность, с которыми он приступил к работе, подтверждают выводы большинства исследователей, считающих, что именно в Саратове начинается карьера Корнилова как историка и, в частности, как специалиста по эпохе Великих реформ. «Внимание Корнилова привлекают великие реформы, и прежде всего крестьянская, – отмечает А. А. Левандовский. – Собрав и обобщив огромный по объему фактический материал, Корнилов сумел по-новому оценить причины отмены крепостного права – одним из первых он обратил внимание на кризисное состояние помещичьего хозяйства в предреформенные годы»⁹.

Между тем ответ прокурора на заявление Корнилова был получен им в кратчайшие сроки, однако высокопоставленный чиновник разъяснил задержанному, что дело, по которому он проходит, секретное и прокуратура сможет в него вмешаться только через две недели – после того как закончится предварительное дознание¹⁰. А вот официального ответа губернатора так и не последовало, но зато он «вступился, как мне было известно, за меня довольно энергично»¹¹, – отметил Корнилов. Именно вмешательство А. П. Энгельгардта, принявшего деятельное участие в судьбе опального историка, способствовало его освобождению из заключения уже через неделю – 8 ноября 1902 г. Корнилов был выпущен на свободу под особый надзор полиции, в то время как полицейское дознание по этому делу продолжалось еще больше года – до 2 января 1904 г.

Как впоследствии выяснилось, жандармы арестовали А. А. Корнилова по ошибке, причислив его к организации эсеров. «Поводом к этой ошибке, как я впоследствии убедился, – вспоминал он, – было, во-первых, то, что Натансон приехал прямо с вокзала ко мне на квартиру, а затем еще то обстоятельство, что жандармы, вероятно, проследили, как Гершуни, приезжавший в Саратов для организации убийства Сипягина, был раз или два на квартире у Кати, чтобы видеться со своими единомышленниками»¹². В ходе допросов жандармы все-таки выяснили его непричастность к эсерам, но злополучные три номера «Освобождения», изъятые у него при обыске, хотя и не помешали освобождению Корнилова из-под стражи, однако как улики послужили для правоохранительной основой для проведения в отношении него уже другого расследования. В итоге он был отдан под особый надзор полиции и лишен возможности отлучаться из Саратова без разрешения власти. Еще одним неприятным последствием этого инцидента явилось также и то, что срок ссылки Корнилова был увеличен на целый год.

А. А. Корнилов оказался в очень сложном положении. Газета «Саратовский дневник», в которой он до этого работал, закрытая летом 1902 г. на два месяца открывалась вновь, но её издателю Н. Н. Львову было рекомендовано изменить состав редакции. При таких условиях Львов решил от нее отказаться и передал издание «Саратовского дневника» всецело в руки В. К. Самсонова. При таком раскладе Александр Александрович считал, что оставаться редактором еженедельника для него не имело смысла, и он ушел из газеты вслед за её издателем. «Я ушел, но из Саратова двинуться не мог в течение еще двух лет», – так он охарактеризовал свою патовую жизненную ситуацию.

Лишившись журналистского заработка как основного, Корнилов обращается с этого времени в большей мере к общественной и научной работе, и здесь как всегда рядом с ним оказывается Н. Н. Львов, который в очередной раз спешествует в его начинаниях. Кроме того, очевидно, не без помощи Львова и местных земско-либеральных деятелей, Корнилов был оформлен помощником присяжного поверенного А. А. Токарского¹³, возглавлявшего Саратовскую губернскую группу «Союза освобождения». Законные основания для подобного «трудоустройства» А. А. Корнилова, безусловно, были, так как он имел высшее юридическое образование и опыт (стаж) административно-правовой работы. Сам новоиспеченный стажер при этом уточнял, что «это определение было только формально, так как я не брал никаких дел»¹⁴.

В то же время такое, как выразился Корнилов, «прикосновение к присяжной адвокатуре» проявилось, прежде всего, в его участии в работе саратовского Юридического общества, где Корнилов прочитал реферат «Об административном

устройстве крестьян», который, как скромно заметил сам докладчик, «имел некоторый успех»¹⁵. Впоследствии этот реферат был опубликован в «Саратовской земской неделе» вместе с другой его статьей «Из истории вопроса о земском представительстве», которая, в свою очередь, входила в цикл докладов комиссии по вопросу о понижении земского ценза.

Корнилов, имевший немалый опыт практической работы гласным городской думы¹⁶ и глубоко исследовавший проблемы городского и земского самоуправления, считал, что «В истории земских учреждений красной нитью проходит более или менее сознательное убеждение всех наиболее влиятельных и преданных делу земских деятелей, что в России можно сильно и плодотворно работать лишь будучи представителем народных интересов и истолкователем нужд и потребностей народной массы, которой до последнего времени олицетворялась в глазах земских людей главным образом в лице крестьянства. Это направление определило и содержание земской работы, им же обуславливалось и отношение земств к вопросу об организации земского представительства»¹⁷.

Анализируя причины неудовлетворительного состояния системы земского представительства, он указывал на две основные причины: «(1) неуравновешенность этой системы в невыгодную для массы населения сторону; 2) вследствие ограничения имущественным цензом контингента земских избирателей постоянно ощущался недостаток людей в земстве»¹⁸. По его мнению, эти два главных недостатка в организации земского представительства, очевидно, «могли бы коренным образом быть уничтожены лишь введением всеобщего избирательного права»¹⁹.

Размышляя над проблемами земского представительства, А. А. Корнилов отмечал, что при существовавшем на тот момент положении вещей, при существовавшей компетенции земских учреждений необходимо абсолютное признание принципа, что «только земские плательщики имеют право избирать своих уполномоченных для заведывания земским хозяйством, <...> независимо от состава избирательных съездов или собраний»²⁰. Таким образом, он последовательно отстаивал свою точку зрения, заключающуюся в том, что всему населению необходимо предоставить право «избирать своими представителями, т. е. гласными всех местных жителей, хотя и не обладающих имущественным цензом, но достаточно прочно водворившихся в данной местности и обладающих образовательным цензом»²¹. Подобное расширенное толкование пассивного избирательного права, по мнению ученого, «было бы плодотворно и полезно в высокой степени, даже и в таком случае, если бы при проведении начала бессословности в крестьянские учреждения удалось их слить с земскими в одну систему и заменить ныне действующую избира-

тельную систему по группам населения системой территориальных избирательных собраний или съездов»²².

Характеризуя состав саратовского земства, Корнилов, конечно, особое место отводил Н. Н. Львову, которого считал «прекрасным руководителем земства в губернии», правда, с одной оговоркой, что тот «не был достаточно терпелив». Последнее обстоятельство, очевидно, и объясняет то, что Николай Николаевич «несколько охладил к земству и скоро, не дослужив трехлетия, отказался от места председателя земской управы»²³. Вместе с тем, по мнению Александра Александровича, при Львове в саратовском земстве сложился прекрасный подбор «третьего элемента»: заведующий статистическими исследованиями Саратовской губернии Н. Н. Черненко, его помощник В. И. Серебряков, сотрудики Н. И. Ракитников, Н. Д. Россов, М. Е. Березин, заведующий ветеринарной частью земства Ф. А. Березов, заведующие медициной врачи М. Д. Ченыхаев и Н. И. Теляков. По мнению Корнилова, это были земские деятели, «могущие составить честь любому правительственному или общественному учреждению»²⁴.

Действительно, земское собрание в Саратове отличалось выдающимися деятелями как либерального, так и консервативного направления. По признанию Корнилова, он «с удовольствием ходил слушать речи» в земском собрании таких блестящих ораторов, как гр. Д. А. Олсуфьев, гр. А. А. Уваров, кн. Н. Н. Львов, С. А. Котляревский, А. М. Масленников и др. Но особое впечатление на ученого производил, несомненно, Львов. Наблюдая за ним в собрании, Корнилов не раз ловил себя на мысли, что Николай Николаевич «мог бы быть превосходным министром в стране с парламентским управлением»²⁵. По сути, Александр Александрович впервые высказал мысль, которая вполне могла обрести реальные черты в недалеком будущем. В июле 1906 г. Николай II предложил П. А. Столыпину ввести Н. Н. Львова в состав Совета министров и назначить его главноуправляющим землеустройством и земледелием. Однако после беседы с кандидатом на этот пост сам же изменил свою точку зрения. В записке, адресованной Столыпину, он подчеркнул: «Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т. е. государственного управления, в особенности Львов». А своей матери, Марии Федоровне, он написал с куда большей откровенностью: «У них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужной скромностью и боязнью скомпрометироваться. Придется без них обойтись»²⁶.

С другой стороны, и Н. Н. Львов высоко ценил интеллектуальный потенциал и профессионализм А. А. Корнилова. Летом 1903 г. после того как Львов вернулся из-за границы, где состоялся съезд русских конституционалистов, он настойчиво уго-

варивал Александра Александровича переехать в Париж, обещая два года платить ему по 3000 рублей содержания с тем, чтобы он вместе со Струве вел журнал «Освобождение». «Струве, – пояснял Львов свой выбор, – изнемогает один, ведя этот в высшей степени полезный орган, а вы приехали бы с обновленным опытом и оказали бы ему сильную поддержку»²⁷. Это предложение поддерживали и соратники Львова – земские гласные С. А. Котляревский и К. Б. Веселовский. Корнилов и сам чувствовал, что мог быть действительно полезен в этом качестве, но обреченно признавался, что «вынужден сидеть с обрезанными крыльями»²⁸ под надзором полиции в Саратове. Как оказалось, получить разрешение полиции на поездку даже в Петербург ему стоило больших трудов.

В марте 1903 г. саратовским губернатором вместо А. П. Энгельгардта, ставшего товарищем министра земледелия, назначили, по выражению Корнилова, «молодого и очень представительного Петра Аркадиевича Столыпина»²⁹. Однако хлопоты ссыльного ученого перед новым губернатором о разрешении поездки в Петербург оказались тщетными. В ответ на просьбу Корнилова Столыпин ответил, что он своей властью дозволить ему этого не может, однако согласился послать в Петербург телеграмму на имя директора департамента полиции, которую предложил составить Александру Александровичу самому. Телеграмма была отправлена, и через несколько дней был получен ответ, что прошение, изложенное в телеграмме, оставлено без последствий. «Нечего было делать, пришлось покориться»³⁰, – угрюмо подытожил свои напрасные хлопоты Корнилов.

Между тем, не теряя времени даром, ученый продолжал работу над историческими монографиями для журналов «Русское богатство» и «Мир Божий». Для первого он написал большую работу «Губернские комитеты по крестьянскому делу в 1858–1859 годах», которая была помещена в первых 5-ти книжках «Русского богатства» за 1904 год. А для второго историк подготовил ряд статей под заглавием «Николай Иванович Тургенев и Союз Благоденствия». В 1905 г. обе эти работы, вместе с другими, были изданы в отдельном сборнике, за который А. А. Корнилову в 1911 г. была присуждена большая Самаринская премия. Находясь в Саратове, Корнилов подготовил обстоятельную рецензию о книге С. С. Татищева «Александр II». Все эти труды вселили в ученого уверенность в правильности избранного пути, и он с удовлетворением констатировал: «в сущности, нашел свою дорогу в будущее»³¹. А. А. Левандовский считает, что именно в Саратове Корнилов «становится историком, и прежде всего, историком крестьянской реформы. К подобному выбору его подвела сама жизнь – сказались стремление дойти до сути, до самых корней того крестьянского вопроса, с которым ему постоянно приходилось сталкиваться и теоретически – в студенческие годы, и практиче-

ски – в период государственной службы. <...> В сущности, именно в эти годы Корнилов создал себе репутацию ученого, специалиста по истории общественного движения и крестьянского дела в России»³².

В научной работе большую помощь ученому оказывала сестра жены Катя³³. «Она переписывала все мои работы набело, – вспоминал он. – Но помощь ее была не помощь простого писца. Мне важно было, что она прочитывала со вниманием текст и часто давала мне советы то или другое исправить. В отношении губернских комитетов она сделала для меня большую работу. В Скребицком³⁴ все сведения о них разбросаны по отдельным томам, а она свела их воедино, чем очень облегчила мою задачу»³⁵.

Вместе с тем А. А. Корнилова угнетало его поднадзорное положение и трудности передвижения по стране. Не желая мириться с этим, как он считал, незаконным преследованием со стороны правительства, он написал большую докладную записку на имя директора департамента полиции А. А. Лопухина, в которой Корнилов изложил все свои доводы о неправильности преследования его полицией, и просил еще раз разрешения приехать в Петербург на две недели. Свою просьбу к Лопухину он мотивировал тем, что ему «было бы существенно важно лично переговорить в Петербурге с редакциями тех изданий, в которых я сотрудничаю, так как на расстояниях многое очень трудно уладить, а между тем литературный заработок у меня – единственное средство к жизни и к содержанию моей семьи. Наконец, я хотел путем личного свидания с Вашим Превосходительством выяснить свое положение и снять с себя те незаслуженные и неясные для меня подозрения, которые, очевидно, против меня существуют и обуславливают несправедливые преследования, которым я подвергаюсь»³⁶.

Однако на эту докладную записку Корнилов не получил никакого ответа. Тогда в Петербург отправилась его жена, которая встретила с А. Н. Нарышкиной и получила от неё рекомендательное письмо к А. А. Лопухину. Эта протекция возымела свое действие – по этому письму Лопухин принял Н. А. Корнилову даже в неприемный час. Поначалу директор Департамента полиции отклонил просьбу ссыльного ученого, но пообещал более подробно ознакомиться с его делом, и на второй раз уже, не выражая никаких опасений, дал ему разрешение приехать на две недели в столицу.

В апреле месяце 1903 г. Корнилов наконец приехал в Петербург и там первым делом явился к Лопухину. Но, несмотря на приемный день, директор Департамента полиции его не принял. Однако через два дня у него появилась возможность аудиенции у самого министра внутренних дел В. К. Плеве, которому Александра Александрович лично передал свою записку, в которой просил разрешить ему переезд на жительство в

Москву со всем своим семейством. В обоснование своей просьбы он изложил следующее: «Мои литературные занятия и интересы моей семьи требуют переезда в Москву, а я не могу двинуться отсюда. В августе мне надо определять сына в гимназию (он выдержал экзамен во 2-ой класс), а я еще не знаю, можно ли мне переехать в Москву (я желал бы в Москву, так как климат Петербурга нехорош для моей жены); в Саратове же, где я перенес столько незаслуженных неприятностей, я решительно не хочу оставаться, тем более, что местные условия также нехорошо отражаются на слабом здоровье моей жены»³⁷. Рассмотрев это прошение, министр поручил саратовскому губернскому жандармскому управлению еще раз изучить дело ссыльного А. А. Корнилова.

Однако просьба Корнилова на этот раз не была удовлетворена и ему пришлось ждать еще около года решения своей судьбы. Только 27 мая 1904 г. поступило сообщение департамента полиции губернскому жандармскому управлению о том, что против выезда А. А. Корнилова на дачу к матери в селение Галахи Варшавской губернии возражений не имеется³⁸.

В 1903 г. Корниловы сменили квартиру. Новая «квартира» оказалась целым особняком в два этажа, с большим садом и баней. «Дом этот отдали всего за 600 рублей в год, так как он находился почти за городом, на Малой Царицынской улице, – пояснял Александр Александрович. – Все-таки цена его была очень невелика, потому что в доме было десять жилых комнат. Мы наняли его вместе с сестрами и отцом жены и вели сообща хозяйство»³⁹.

Несмотря на периферийность, этот дом стал центром общественной жизни саратовской интеллигенции. Здесь каждую неделю, как выразился Александр Александрович, на «журфиксах» собиралась вся земская и городская интеллигенция столицы Поволжья: Н. Н. Львов, С. А. Котляревский, Черненковы, Сиротинины, Серебряковы, Березовы, М. Е. Березин, А. А. и Е. К. Никоновы, Старынкевичи и мн. др. На этих вечерах, кроме самовара и блюд с бутербродами, ничего особенного не было, но зато всегда царил оживленная дружеская обстановка с интересными и насыщенными беседами. «Здесь обсуждались все получаемые новости, все политические толки того времени»⁴⁰, – вспоминал Корнилов.

Так, например, Н. Н. Львов постоянно рассуждал о ходе политических событий в стране и о том, можно или нельзя предоставить всеобщее избирательное право в России. Н. Н. Черненко твердо отстаивал идею всеобщего избирательного права и утверждал, что никакой нет опасности дать всеобщее избирательное право каждому мужику, так как «мужики будут выбирать и не мужика, а кого следует». А вот И. Ю. Старынкевич настаивал на необходимости образования либеральной партии. Он аргументировал свою точку зрения тем, что пока есть только партии эсеров

и социал-демократов все прочие могут говорить, что мы не принадлежим ни к тем, ни к другим, и толку из этого не выйдет⁴¹.

В это же время А. А. Корнилов плодотворно и увлеченно работает над несколькими научными произведениями. Идея одной из таких работ – «Общественное движение при Александре II» – была предложена Корнилову Н. Н. Львовым, «частью из желания доставить мне заработок, а частью в интересах общества»⁴², – уточнял ученый. Причем эту работу он мог свободно писать, не оглядываясь на цензурные ограничения и используя весь тот запрещенный материал, который в Саратове, по словам Корнилова, «достать было легче, чем в другом городе»⁴³. Корнилов с энтузиазмом принялся за работу и очень скоро написал первые три главы, характеризующие конец царствования Николая I и начало царствования Александра II. Эти три главы были напечатаны П. Б. Струве в первой книжке «Освобождения». Александр Александрович, воодушевленный успехом, не остановился на достигнутом, и его работа по систематическому изучению общественного движения эпохи царствования Александра II продолжалась поступательно и динамично.

С особой благодарностью А. А. Корнилов отзывался о книжных «сокровищах», любезно предоставленных ему Василием Ивановичем Семевским. Имея в своей библиотеке много редких книг, частью недозволенных цензурой или вовсе не поступавших в продажу, он охотно предоставил историку возможность пользоваться ими и переслал в Саратов по почте целый ящик редких книг. В этой посылке было, в частности, полное собрание работ редакционных комиссий, «Бумаги по крестьянскому делу М. П. Позена», «Материалы для истории упразднения крепостного состояния в России» и «Записки А. И. Кошелева», изданные в Берлине, работа В. Л. Бурцева «За сто лет» и много других редких и ценных книг.

Меньше чем через год Корнилов уже подготовил рукопись объемом в 14–15 печатных листов. По мере написания этой работы он зачитывал отрывки из книги Н. Д. Россову, который, по словам автора, остался ими очень доволен и выразился о них так: «Это будет у вас многогранное произведение!»⁴⁴. Произведение это, хотя и было уже готово в начале 1904 г., но было издано за границей не раньше, чем туда прибыл сам автор. «Это было первое мое произведение по истории царствования Александра II, – с удовлетворением отмечал Корнилов. – Оно имело успех»⁴⁵. Подтверждением этого может служить тот факт, что профессор Берлинского университета Теодор Шиман дал о нем краткий, но весьма лестный отзыв в «*Kreuzzeitung*», отметив, что это лучшее, что было к тому времени написано по истории царствования Александра II. Это произведение было напечатано сначала за границей значительным для того времени тиражом – 4 тысячи экземпляров, правда без подписи

автора. Затем с некоторыми изменениями эта работа была опубликована в журнале «Минувшие годы», причем некоторые номера журнала из-за этого труда были привлечены к суду. В третий раз эта работа Корнилова была издана журналом «Русская мысль» в 1909 и 1913 гг.

Тем временем в Саратове сестры жены затеяли новый общественно-значимый проект. По идее Н. Н. Сиротина, имевшего большую семью⁴⁶, они организовали детский сад. Принимали туда детей «третьего элемента» – земских и городских служащих. «Предприятие это, начавшееся весьма скромно, – уточнял А. А. Корнилов, – не доходило более чем до 12 человек, потому что не было подходящего помещения в городе; к нам же водить маленьких детей было далеко»⁴⁷. Возраст детей был от 4 до 9 лет, и занятия с ними были довольно разнообразными. Открытие этой школы оказалось весьма кстати для сестры жены Кати, потому что она лишилась своего места в городской управе, так как губернатор отказался утвердить ее в должности. На святках для малышей детского сада, а также для сына Александра Александровича Володи и его товарищей устраивали в большом зале квартиры елку, которая зажигалась несколько раз. Детей на этом празднике собиралось очень много, и по отзывам родителей это была самая веселая елка в Саратове на Рождество⁴⁸.

В январе 1904 г. началась война с Японией. По воспоминаниям Корнилова, первое известие о ней пришло в Саратов во время земского собрания, которое готовилось отправить адрес в поддержку тверского земства, раскассированного В. К. Плеве. Однако потрясение от удручающих известий с Дальнего Востока было настолько сильным, что Саратовское земское собрание выработало другой адрес, адрес по случаю войны. С этих пор война сделалась главным предметом обсуждения и на корниловских журфиксах, где неравнодушная публика разделилась на два лагеря, как и все общество в стране: желающих поражения царской России и, напротив, желающих победы русскому оружию. Корнилов был на стороне тех, кто желал победы, но при этом слабо на нее надеялся. «Так с этими отголосками споров в голове я и уехал из Саратова, – вспоминал Александр Александрович. – Таля с Володей поехали на лето в Галахи, Катя с Машей поехали в Крым, а я поехал в Вернадовку»⁴⁹.

Весной 1904 г. Корнилов наконец получил долгожданное положительное решение по своему делу, а вместе с тем получил и свободу передвижения. Однако в Саратове ему пришлось задержаться более чем на год из-за семейных проблем – болезни жены и учебы сына. Тем не менее, получив право на свободу передвижения, Корнилов посетил сначала российские столицы, а затем уехал в Париж к П. Б. Струве, которому помогал в редактировании оппозиционного неподцензурного журнала «Освобождение».

В сентябре 1905 г. перед отъездом из Саратова с Корниловым произошел необычный инцидент. Вот как он его описал. «Мы с Катей были на даче – на так называемой “Горе”⁵⁰ у Н. Н. Сиротина и Серебряковых. Нам нужно было оттуда ехать на ст. Разбойщина, на дачу, занимаемую Федоровыми. Когда мы дошли до вокзала, то поезд был не только подан, но уже отходил, и мы бегом добежали до последнего вагона. Не заметив, что провожают губернатора, я быстро толкнул в вагон Катю и вскочил сам, причем почувствовал, что меня сильно дергают назад. Обернувшись, я увидел растерянные физиономии полицмейстера и жандармского полковника; но Столыпин, который стоял в дверях этого вагона, сказал: “Не трогайте, они не успеют иначе”, и мы вошли в вагон. Тут только я заметил, что мы находимся в вагоне Столыпина. Между тем поезд отошел, и мы оказались случайными соседями. Сообразив положение, я сказал, что мы можем пройти в следующий вагон. Но Столыпин ответил: “Не беспокойтесь. В следующий вагон хода нет, вы проедете со мною до следующей станции”. Так и пришлось сделать. Извинившись перед Столыпиным за доставленное беспокойство, на следующей станции, которая и была Разбойщина, мы вышли из вагона»⁵¹.

На этом эпопея саратовского периода жизни Александра Александровича Корнилова завершилась. Долгожданный исход из саратовской ссылки открыл перед ним широкое поле общественно-политической и научной деятельности в Москве и Петербурге. Правда, день возвращения в Москву (29 сентября 1905 г. – Ю. В.) врезался в память и омрачился в его сердце нерадостным знаком. «Тотчас по возвращении моем из Саратова в Москву произошло очень печальное событие: смерть и похороны князя Сергея Николаевича Трубецкого»⁵², а вслед за этим беспокойная осень и зима 1905-го принесли и Высочайшее дарование свобод, и «разбойщину» декабрьского вооруженного восстания, на фоне которых годы, проведенные Корниловым в Саратове, выглядели провинциальным «затишьем» перед разразившейся революционной «бурей», но это уже другая страница его биографии.

Примечания

¹ Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 113.

² Там же. С. 139.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ См.: Гусакова З. Е. «...Я решительно не знаю, за что попал в тюрьму» (саратовский автограф А. А. Корнилова) // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 216.

⁶ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 113.

⁷ Гусакова З. Е. Указ. соч. С. 219.

⁸ Там же.

- ⁹ Левандовский А. А. Последний общий курс русской истории и его автор : вступ. ст. А. А. Корнилова. М., 1994. С. 7.
- ¹⁰ См.: Корнилов А. А. Воспоминания. С. 114.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Подробнее об А. А. Токарском см.: Варфоломеев Ю. В. Присяжный поверенный А. А. Токарский («На его руках Чернышевский и умер...») // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 55–60.
- ¹⁴ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 140.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ В 1895 г. А. А. Корнилов был избран гласным Иркутской городской думы, входил в комиссию для образования делопроизводства городской управы и ее хозяйственной деятельности.
- ¹⁷ Корнилов А. А. Из истории вопроса о земском представительстве // Саратовская земская неделя. 1903. № 10–11. С. 36.
- ¹⁸ Там же. С. 37.
- ¹⁹ Там же. С. 38.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 40.
- ²³ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 140.
- ²⁴ Там же. С. 141.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Цит. по: Шевырин В. М. Николай Николаевич Львов : «Нельзя оставлять население в таком пренебрежении к его культурным нуждам...». URL: <http://new.z-pdf.ru/33kulturologiya/182125-1-vmshevirin-bolee-let-nazad-emigracii-umer-nikolay-nikolaevich-lvov-1867-1944-krupni.php> (дата обращения: 30.04.2018).
- ²⁷ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 140.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 142.
- ³² Левандовский А. А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А. А. Корнилов. М., 1982. С. 21.
- ³³ Через несколько лет после смерти супруги А. А. Корнилова Натальи Антиповны её младшая сестра Екатерина в 1908 г. стала женой историка.
- ³⁴ Очевидно, здесь имеется в виду Скребицкий Александр Ильич (1827–1915), писатель, врач-окулист, общественный деятель и историк, автор фундаментального труда «Крестьянское дело в царствование Императора Александра II» (в 4 томах).
- ³⁵ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 142.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 143.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1/1902. Д. 114. Т. 3. Л. 293.
- ³⁹ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 144.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 147.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Любопытную деталь сообщила в своих воспоминаниях доктор филологических наук, профессор Саратовского государственного университета О. Б. Сиротина : «первый ребенок (в семье Сиротининых. – Ю. В.) родился только в 1882 году, это была моя мама. Как рассказывала бабушка, десять лет у них не было детей, потому что дед боялся, что его арестуют и ребенок останется без отца. В конце концов бабушка отважилась забеременеть, в результате чего родилась моя мама. После её рождения он уже ничего не имел против детей, и они рождались каждые два года. Всего в их семье было пятеро детей : четыре девочки и срединный мальчик, Николай Николаевич – младший» (Сиротина О. Б. Жизнь вопреки, или Я счастливый человек : Воспоминания / запись и подгот. текста, предисл., справ. аппарат О. В. Мякшевой. Саратов, 2009. С. 23–24).
- ⁴⁷ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 113.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ О. Б. Сиротина поясняет появление их дачи на «Горе» : «В то время можно было купить по дешевке срубы деревянного дома, которые сплавлялись по Волге. Дед с бабушкой такой домик купили и еще приобрели ли, взяли ли в аренду, я не знаю каким образом, землю – очень неудобное место в Октябрьском ущелье на крутом склоне горы. На этом склоне горы они и поставили две дачи, которые сделали из одного сруба. Одну постоянно сдавали саратовскому художнику Россову (очевидно, имеется в виду земский статистик, и, как значится в справочнике С. Д. Соколова «Саратовские художники (XIX и XX в.)», «художник-дилетант» Н. Д. Россов. – Ю. В.), который со своим семейством жил на этой даче летом» (Сиротина О. Б. Указ. соч. С. 24).
- ⁵¹ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 113.
- ⁵² Там же. С. 114.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. Саратовский «дневник» историка А. А. Корнилова: часть вторая // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 540–546. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-540-546>

Cite this article as:

Varfolomeev Yu. V. Saratov «Diary» of the Historian A. A. Kornilov: Part Two. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 540–546 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-540-546>